

ДОКТОР ЖИВАГО

Как быстро меняется мир вокруг нас, а с ним и менталитет людей...

В 1992 году я получил работу преподавателя русского языка в американском колледже. Помню, с каким волнением я открыл дверь в класс. Пятнадцать студентов с любопытством смотрели на меня. Почти все они были людьми почтенного возраста, у каждого за плечами притаилась непростая жизнь. Общественный колледж Пайкс Пик, что в городе Колорадо-Спрингсе, не дорогой, поэтому наряду с теми, кто записался в класс из-за кредитов, там были люди, которые, уйдя на пенсию, взяли его из интереса к языку и к стране, некогда их сильно напугавшей. Я рассказал о себе, спросил, есть ли вопросы. Вопросов было много, но один запомнился надолго: «А вы смотрели американский фильм про доктора Живаго?..»

Это сейчас русскими не удивишь здесь, на Диком Западе, а тогда я был одним из первых иммигрантов, приехавших «с того света» в этот, уютно раскинувшийся у скалистых гор, консервативный городок. Меня постоянно спрашивали, услышав мой акцент, откуда я, а узнав, что из России, задавали самые неожиданные вопросы: про коммунизм, про Гулаг, про русских женщин и так далее. Я отвечал охотно, в свою очередь, задавая им вопросы, не менее наивные, об их стране, привычках. Словом, я изучал их, они — меня. Вопросы не всегда были «дружественными», иногда с подколкой и даже злые. Но я не обижался и, в свою очередь, ехидничал в их адрес.

Каждый раз, начиная занятия с новым классом, я проводил анкету, в которой одним из пунктов была просьба рассказать об имидже России. К моему удивлению, этот имидж был почти у всех студентов одинаков: заснеженные улицы, водка, танцы в присядку, необыкновенная история, богатая культура, Толстой, Достоевский и... доктор Живаго!

Последнее меня сильно озадачило. К своему стыду, я тогда не читал этого произведения. Пастернака в моё время в школах не проходили, его книги не были в открытой продаже по стране, периферия (в которой я родился и воспитывался) о нём вообще ничего не слышала.

Вначале я пропускал этот «имидж» мимо ушей, но после

одного случая я взял в библиотеке английский и русский варианты книги и залпом прочитал это произведение.

Об этом и другом не менее забавном случае стоит рассказать поподробнее, я их до сих пор вспоминаю с улыбкой.

Однажды попросили меня дать несколько ознакомительных уроков русского языка группе туристов из городка Каньон-Сити, что неподалёку от Колорадо-Спрингса. Их мэр каким-то образом установил связь городков-побратимов с русским Валдаем. По тем временам такие побратимские связи были очень популярны. Вот и надумали каньонцы съездить в Россию. А для того чтобы знать простейшие фразы на русском, типа «здравствуйте—до свидания», и наняли меня на недельку.

Я, как всегда, познакомился с каждым студентом, потом спросил их о России, что они знают о ней, что любят. Ответы были шаблонными. Не забыли и про Живаго. Редактор местной газеты даже сделал целый «доклад» на эту тему, ошеломив меня последним восклицанием о том, что он не читал книгу, а двадцать пять раз смотрел фильм с Омаром Шерифом в главной роли. На полном серьёзе он заявил, что если бы был русским президентом, то поставил памятник создателям этого «шедевра!» «...Ведь столько людей полюбили, поняли Россию, посмотрев этот потрясающий фильм!» — закончил он.

Я был потрясён услышанным! Вот в тот вечер я и съездил в местную библиотеку и отыскал там оба варианта этой книги. К моему удивлению, она на меня не произвела глубокого впечатления. Фабула романа показалась мне скроенной нечётко, герои — выдуманными, незапоминающимися. Язык — выпранным, казённым...

Я отложил книгу и забыл о ней на некоторое время.

Второй случай произошёл в самолёте авиакомпании Дельта, когда мы с моим боссом подлетали к Санкт-Петербургу. Стоял декабрь 1992 года. Я только что стал вице-президентом его небольшой компании. Занималась она печатаньем и доставкой библий и другой религиозной литературы в новую Россию. Мой босс вёз меня туда представить своим партнёрам.

Командир корабля объявил о начале снижения и попросил пристегнуть ремни. Мы стряхнули с себя сон и стали готовиться к посадке. Позади нас сидели две дамы почтенных лет, но, хотя их возраст таился в каждой морщинке, назвать их старушками у меня бы не повернулся язык. Тот, кто знает Америку изнутри, тот поймёт меня: умеют американцы стареть. Эти «младостарушки» просто очаровали меня. Они, прильнув к окну самолёта, не могли удержать своих восклицаний:

«Вау! Снег! Смотри, Джойс, смотри, церковка... а облака, ну

точно как в Варыкино! Господи, Россия, неповторимая Россия!»

Мой босс повернулся к ним и спросил: «Извините, это ваш первый визит сюда?»

Они охотно рассказали о себе, о своей любви к «этой заснеженной стране». Узнав, что я русский, они забросали меня вопросами, на которые я даже и не успевал ответить: мы катились по ледяному полю к мрачно-грязным и неприветливым зданиям вокзала Пулково. Прощаясь, я посоветовал моим нечаянным собеседницам приехать в Питер не зимой, когда там серо и холодно, а летом, когда всё в зелени. Леди на секунду оторопели, потом та, что была побойчее, изрекла фразу, которая запомнилась мне на всю жизнь: «Молодой человек (я тогда был относительно молод), если нам будет надо посмотреть лето и цветущие деревья, то мы поедem на Гавайи, либо во Флориду, а в Россию мы едем смотреть зиму и эту серую прелесть!» Улыбнувшись и продолжая счастливо щебетать между собой, они направились к выходу. Уже вслед им я бросил вопрос:

— А откуда у вас такой образ России?

— Живаго, сэр, доктор Живаго! Посмотрите этот фильм обязательно!

Вернувшись домой, я взял этот фильм из блокбастера и честно посмотрел его. Фильм был ужасный: мало того, что он был снят не в России, а в Финляндии,

Испании, там ещё были и ошибки на плакатах, бороды-мочалки, фальшивый снег, лубочные сценки, нерусские жесты и мимика американских, британских и других актёров, собранных со всего света... Словом, он меня потряс откровенным невежеством и вольной интерпретацией романа Пастернака, его идеи, его видения революции...

Я принёс фильм в колледж и поделился своими впечатлениями со студентами. Разгорелась дискуссия, против меня восстал весь класс. «Вы — русские, слишком всё любите усложнять, копаться в душе, а надо жить легче, надо иметь «fun», хотя в вашем языке нет такого слова и понятия»... «Мне наплевать на революцию, на идеи столетней давности, а вот там такая музыка, такая любовь!»... «Ах, а какие глаза у Омара Шарифа!»... «Ну и что, что наклеенные бороды, что снег не настоящий, там ведь настоящая любовь!»...

Я сдался и предложил посмотреть фильм ещё раз всем вместе. Класс встретил это предложение аплодисментами.

Зазвучала музыка, замелькали кадры... Невольно я стал смотреть этот фильм другими глазами, глазами иностранца, глазами моих студентов, стараясь их понять. И, к моему изумлению, что-то во мне произошло, что-то сдвинулось в моей душе, словно какая-то плита отвалилась. Я уже не замечал ни шероховатостей сценария, ни

наивности интерпретации романа; я поверил в искренность героев фильма, в их чувства. Особенно потрясла Лара, её губы, её невыразимо прекрасные глаза, в которых плескались любовь и печаль, как когда-то они плескались в глазах моей любимой женщины, с которой я был вынужден расстаться... Но самым потрясающим во всём фильме была музыка! Она появлялась в тот момент, когда к Юрию приходила муза. Она растапливала снега Юрятина, плескалась в подсолнухах в прифронтовой полосе, рыдала вместе с Юрой, выглядывая из замороженного оконца на чердаке, глядя его красивыми оливковыми глазами на повозку, увозящую его любимую Лару «в навсегда». Хотелось плакать от этой проникающей во все клеточки души божественной мелодии! Вспомнилось своё прошлое, навсегда потерянное в бренности жизни чувство новизны, захотелось вновь любить, ревновать, быть красивым...

Этот фильм стал как бы визитной карточкой класса. Не одно поколение моих студентов унесло с собой в жизнь эту печальную повесть страшных лет России, повесть, которая помогла им понять и полюбить эту необыкновенную страну, её мятежную, беспокойную душу.

Прошло много лет. Нет Союза, нет того мира, разделённого на две половинки. Всё стало другим. Открылись границы, русские

увидели мир, мир — русских. Вроде бы здорово, но исчезла какая-то неповторимая харизма того печального и грозного времени. Пришло новое поколение со своей моралью, со своими героями. Всемирно известные симфонические оркестры, балетные группы, оперные певцы выступают при полупустых залах, Поэзию превратили в прозу, а Прозу — в сводки преступлений...

Пытался я пару раз показать «Живаго» в своих классах, но, видя пустые заспанные глаза юных недорослей, их запрограммированные на «fun» и потребительство мозги, отступил. Последней каплей стало обсуждение «Живаго» в одном из классов, когда я спросил, почему не понравился студентам этот фильм? Одна могучего сложения девица, с квадратной челюстью и плоским задом, пояснила мне мнение «их поколения»: фильм скучный, там нет «action» (действия), нет «fun»-а.

— А как же любовь, ведь там такая любовь? — изумился я.

— Это вы про доктора и его любовницу? — пробасило «создание». Так это же адюльтер чистой воды! Этого вашего доктора надо было подвесить за одно место! Если бы это было сейчас, а не тогда, когда унижали женщин, ему бы досталось! Разве это любовь, это же обман, это подло!..

Я больше не показываю этот фильм своим студентам. Я смотрю его один, когда мне одиноко.

Пустяшный фильм с великими актёрами и неповторимой музыкой помогает мне понять Пастернака лучше любого критика, специалиста-учёного. Я закрываю глаза и слушаю эту неповторимую музыку, которая уносит меня в заснеженную Русь, «мчащуюся тройкой» в неизвестность...

И мне вновь хочется жить и любить.

СЛЕПОЙ

В посёлке было двое слепых, один Калентьев — красивый смуглый мужчина, второй откуда-то из России — огромный толстый дядечка, которого все звали Фёдорычем. Оба вернулись с фронта незрячими; поговаривали, что причиной слепоты была отравленная водка, которую немцы специально подбрасывали советским солдатам при отступлении.

Насчёт слепоты Калентьева у поселковых сомнений не было, глаза его были неясными, какими-то мутными. Играл он как бог на большом трофейном аккордеоне, получал какую-то пенсию по инвалидности, плюс подрабатывал в школе и в детском садике. На свадьбы играть не хаживал, был как бы выше этого. Жил он с женой тихо, она его и водила повсюду, нежно поддерживая под руку.

Фёдорыч казался попроще, он тоже был музыкантом, только играл не на аккордеоне, а на

гармошке и балалайке. Он неизменно участвовал во всех поселковых свадьбах и гулянках. Пил Фёдорыч много, но никогда не упивался до отключки, да и трудно было свалить такого детину. Водила его по посёлку тоже жена; но если Калентьев, несмотря на поддержку жены, ходил с палкой, ощупывая ею дорогу, то Фёдорыч шёл свободно, держа палочку не как слепые держат, а как хромые, как будто и не был слепым. Люди незлобно шептались, гадали — правда он слепой или притворяется. Некоторые помнили, что Фёдорыч, когда только пришёл с фронта, точно ничего не видел, спотыкался, натыкался на всё и вся и без жены не мог сделать со двора и шага.

«Видимо, отошёл от той фашистской отравы!» — решили тогда односельчане и оставили его в покое.

Мы, ребяташки, слышали эти разговоры и до поры до времени не обращали на слепого внимания. Но однажды, сидя на излюбленном месте — «третьем песочке», так назывался пляж на реке Деркул, мы почему-то заспорили о Фёдорыче — слепой он или нет. Мнения разделились. Громче всех доказывал, что Фёдорыч слепой, Вовка Потанин, которого все звали Потахой. На «песочке» было много пацанов, кто-то играл в ножички, кто-то лежал, зарывшись в песок, кто-то метал ракушки в воду. Стоял жаркий июньский день.

Потаха был бесстрашным пацаном, он не являлся заводилой, но ему всегда надо было больше всех, оттого больше всех ему и перепало.

— Спорю с любым из вас, что Фёдорыч не притворяется! — предложил он нам.

— Кто спорит, тот г..вна не стоит! — выпалил Стаська, самый сильный из нас.

— А кто спора боится, тот в г..вне родится! — тут же парировал Потаха.

Между ними чуть не завязалась драка, но мои братья-близнецы их растащили. Толик, старший из близнецов, веско сказал:

— Фёдорыч видит, это точно! Спросите Паштёнка!

Паштёнком был я. Все повернулись ко мне, и я рассказал, как несколько дней назад ехал на «орлёнке», своём велосипеде. Велосипед был новенький, яркий. Ехал я по нашей улице, а навстречу из бани шёл Фёдорыч с женой. Проезжая мимо слепого, я увидел, как тот остановился и посмотрел на велосипед. Его фраза «какой красивый велосипедик!» — настолько меня удивила, что я оглянулся на слепого и чуть не врезался в столб.

Мой рассказ произвёл впечатление на пацанов.

— Надо его вывести на чистую воду! — сказал единственный среди нас казах — Сашка, которого все звали Сахой.

— Ну, Саха, ты даёшь! Как его выведешь? Да и потом-то

что? — спросил его второй близнец Никоша.

— А ничего, пусть ему будет стыдно! — сказал Потаха, и мы с ним все быстро согласились. Слово «стыдно» тогда ещё не потеряло своего значения и было в ходу у всех.

— Глядь, пацаны, а вот и сам «слепой» идёт с рыбалки! Со всем обнаглел дядька!

Действительно, по пыльной дороге, что вела мимо нас в посёлок, важно шествовал Фёдорыч с большим удилищем через плечо. Рядом семенила его жена, тащившая кукан, на которой было насажено с десятков белёшек и окунчиков. Фёдорыч был в хорошем настроении, он что-то насвистывал себе под нос.

— Ну, врот-те-дышло! — по взрослому заругался Потаха и, не успели мы глазом моргнуть, как он уже стоял перед Фёдорычем.

— Тебе чего, пацан? — с любопытством воззрился на него «слепой».

Перед нами была смешная картина: худенький, лопухий Потаха, в больших трусах, с дерзким лицом, на котором выделялись только облупленный нос и отчаянные глаза, а напротив — огромный мужик - гигант в наших тогдашних глазах — с открытым ртом. Потаха стоял перед ним руки в боки, растопырив свои худые длинные ноги. Вся его поза была позой вызова, позой злого пёсика перед дракой с более крупным соперником. Фёдорыч же смотрел на это чудо

сверху вниз с любопытством буйвола, остановившегося перед моськой.

— Так чего тебе, пацан? — повторил он свой вопрос.

То, что произошло дальше, я запомнил на всю жизнь. Потаха смело расправил плечи и дерзко спросил:

— Дяденька слепой, а правда, что вы слепой?

Фёдорыч от такой неслыханной наглости поперхнулся, хотел что-то сказать, но Потаха не дал ему опомниться и, подсунув «слепому» кукиш под нос, звонко спросил:

— А это что такое, вы сможете рассмотреть?

Фёдорыч отпрянул от такой наглости и взревел, снимая удочку с плеча. Потаха, поняв, что «слепой» явственно рассмотрел фигуру из трёх пальцев и что сейчас ему достанется по первое число, повернулся и побежал. Но хлёсткий удар удилища нагнал его тощий зад. Потаха подпрыгнул и помчался дальше что было сил. Крючок на удочке зацепился за его трусы, удочка выпала из рук Фёдорыча.

Картина была сногсшибательной: тощий Потаха бежал изо всех сил, таща за собой удилище, зацепившееся за трусы, а за ним, тяжело дыша, топал гигант, что-то крича.

Удочка зацепилась за придорожный куст, трусы лопнули по швам и, освободившись от них, Потаха гольшом побежал вдоль улицы, распугивая редких

прохожих и кур, мирно гревшихся в придорожной пыли.

Позже Фёдорыч пришёл к Потаниным, принёс зашитые его женой трусы. Потахин отец поставил бутылку, они выпили, и Фёдорыч рассказал, что с него уже давно сняли инвалидность по частичному возврату зрения.

Потахе тогда досталось крепко. Он долго не появлялся на «песочке», а когда появился, то в знак солидарности с ним тему про «слепых» мы больше не поднимали.

ЖАВОРОНОЧКИ

Н.Д. Котовчихиной

Гришутка проснулся и открыл глаза. Он знал, что отец с матерью были уже на работе, а старший брат Андриан должен быть уже в школе. Но когда он поднялся с кровати, то увидел, что брат ещё спит. Бабушка стояла перед горкой¹ и молилась. Часы настенные — гордость отца — прокуковали девять раз.

— Ты чаво, мой гоженький, не спишь?

— Дык, сама же сказала, что сѣдни жаворонок надо кликать! — удивился Гришутка.

— Каке тибѣ жаворонки, Гришенька, пыгильди, чаво творится на улице! Буран такой, что и бирюк² нос не высунет! Вон и школу сѣдни отменили, вьюжит, как на крещенские!

Гришутка подбежал к боковому окну и отдёрнул занавеску. В нём он ничего не смог разглядеть, всё окно было белым, словно его облили сметаной. Тогда он шмыгнул к передним окнам, встал на стул к одному из них и, откинув занавеску, глянул на улицу. Окно было наполовину «замазано» снегом. Гришутка посмотрел в ту половину, которая была чистой и испугался: вся улица была белой, а ураганный ветер клонил деревья к земле, швырял комья снега на дома, стараясь сорвать с них крыши.

Ещё вчера не было никакого снега, все лужи почти высохли и стали появляться долгожданные полянки, на которых они с пацанами играли в одиннадцать палочек, кандалы, знамя и лапту³, а сегодня опять зима нагрянула. Да не просто нагрянула, а скакала по посёлку, как их жеребёнок Орлик, которого зачем-то отобрал злой дядька Антихрист. Так бабушка однажды воскликнула в сердцах, когда её спросил кто-то об Орлике. Конечно, дядей она не назвала, просто назвала Антихристом. Она его всегда ругала, когда не было хлеба в магазине, когда не разрешали продавать излишки молока от Малинки, их коровы. Вот и с жеребёнком так вышло. Был Орлик белым, сноровистым — «утеха казачья», как говаривал папаня. Говаривал только своим, ибо даже Гришутка знал, что слово «казак» нельзя было произносить, не любили это слово в посёлке. Не все, а те,

кто служил тому дядьке Антихристу: так бабушка говорила, предупреждая Гришутку. А Орлик был любимцем в семье, его холили все.

«Вот вырастет, запрягу в санки и будешь кататься на нём», — как-то пообещал папаня сыну. Осенью он посадил Гришутку на холку Орлика, когда мяли кизяки⁴. А Андрианка ехал рядышком по кругу на гнедой кобыле из поселковой конюшни. Бабушка потом хвалила их: «настоящие казачки, не музлань⁵ какея-та!»

Но потом дядька Антихрист заставил всех лошадей сдать; бабушка плакала, отец ходил хмурым, одна мать оставалась спокойной. Она никогда не унывала, всегда была улыбчивой и весёлой. Жаль, не казачка она. Это Гришутка узнал недавно, когда на улице он подрался с Женькой соседским. Надавал ему Гришутка кренделей, а тот со злости отбежал и стал дразниться. Потом прокричал ругалку:

— Гришка — хохол,

Наклат на пол!

— Сам ты хохол! — погрозил ему Гришутка.

— Я не хохол, я — казак. А твоя мать — хохлушка!

Гришутка погнался за ним, но тот убежал.

Придя домой, Гришутка и спросил бабушку, кто такие хохлы. Та, огоропев, стала узнавать, где он это слышал. Гришутка поведал ей обо всём случившемся, умолчав про драку. Бабушка посадила его рядышком и пояснила:

— Хохол — это нехорошее слово. Так называют украинцев злые люди. Женя со злости это прокричал. Ужо я его матери пожалуюсь, и ему нагорит по первое число. Твоя мама — не казачка, это верно. Но она хорошая женщина, наша. Среди казаков есть и украинцы, евреи, русские, немцы, татары, да кого только нет среди нас, чаво уж тут поделашь? Но ты, мой гоженький, — казак, настоящий казак, запомни это.

Бабушка подошла к нему и тоже посмотрела в окно. Затем перекрестилась и нежно сказала Гришутке:

— Ложись, мой сладенький, спи, пока Москва не знает!⁶ — её голос был нежным и спокойным.

— А кто такая Москва, бабака?⁷ — спросил Гришутка, ложась в кровать.

— Москва? Это главный город в России, — улыбнулась бабушка.

— А что, если этот город узнает, я спать не буду?

— Будешь, внучок, но по указке Антихриста.

— Бабака, а кто такой дядя Антихрист? — спросил Гришутка.

— Это тебе ещё рано знать, подрастёшь — сам поймёшь. Спи, а проснёшься — я уже напеку жавороночек, можа, буран и утихнет, тады и покликаешь весну.

Рано знать? Опять рано. Давечи он спросил, откуда у их родственницы тёти Таи появился маленький Коляшка, ведь ещё недавно у них никого не было, и бабушка осадила его этим «подрастёшь — узнаешь». Скорее бы

подрости, окончить школу и стать как папаня — шофёром. Потом можно и жениться. Вот на ком? Верка соседняя — сроду злая, пацанов не любит. Остальные ему тоже не нравились. Был бы взрослее, женился на Валентине Гавриловне — училке Андриана. Красивая она. Брови чёрные, сама высокая, добрая. Однажды дала ему конфету, вот он её и полюбил. Да, красивая...

Гришутка незаметно заснул. Когда проснулся, то сразу же почувял, как пахнет чем-то вкусным.

— Вставай, мой гоженький, умывайся, помолись и к столу. — Бабушка закончила готовить и сняла запон⁸.

Вода в рукомойнике была холодной, но Гришутка пересилил себя, ведь он казак! Потом подошёл к горке и помолился:

— Господи, Исуси Христе, сыни божия, помилуй мя. — Так, как его учила бабака. Андриан, сидевший за столом и уплетавший жаворонки со сметаной, не выдержал и сказал:

— И зачем ты его заставляешь молиться? Ему на следующий год в школу, узнают пацаны — засмеют.

— Молчи, богохульник, чаво булгачишь⁹ мальчонку? Сам перестал креститься, так не баламуть яво. Никто не узнает, если будете молиться тайно. Тайная молитва, матри, она вдвойне будет Богом принята, — незлобно ответила старушка.

— Да ладно тебе, бабак, Бога нет, это всё сказки. — Начал подтрунивать над ней Андриан.

— Ента как это нет! — Не на шутку встревожилась бабушка. — А аткеда тада всё на земле, от ибизьяны, что ли?

— Ладно, говаривали мы с тобой на эту тему, бабака. Ты — пережиток прошлого, тебе не понять! — Сказал по-взрослому Андриан и тут же получил тряпкой по затылку. Он засмеялся и ушёл в переднюю комнату читать книгу.

— Не слушай его, мой гоженький. Он стал такой поперешный¹⁰, прям-таки жуть. Бог есть, без Бога не до порога.

Гришутка посмотрел на порог и усомнился словам бабушки:

— Неправда, до порога я быстренько сам доскачу. — Он встал из-за стола и добежал до порога.

— Глупышка, это ты добежал с Богом. Он тебе позволил, а вот не будешь молиться и верить, Он может и не позволить. Бог всё видит и знает! — И бабушка показала своей натруженной рукой на икону, висевшую в углу, под самым потолком. Гришутка взглянул на неё и испугался. Икона была старой, тёмной, но Боженьку он разглядел, она строго смотрела на него своими чёрными глазами.

— А таперича, кушай жавороночки, пока не остыли. — И бабушка поставила большую эмалированную миску с румяными коржиками, испечёнными в виде птичек. Вместо глаз у них были изюминки. Жаворонки пахли так вкусно, что Гришуха сразу

же схватил один из них и поднёс ко рту. Но в тот же момент он отстранил его и вопросительно посмотрел на бабушку.

— Ты чаво, Гришенька, почему не ешь? — забеспокоилась старушка.

— Дык нельзя же, сама говорила, что нужно сначала покликать их, а уж потом можно и съесть. Без этого не будет зимы!

— Ента было в прошлом годе, а таперя можна сначала съесть, а утихнет буран, тады и кликать весну можно, — улыбнулась одними глазами та. — Ешь, мой казачонок!

Гришутку уговаривать не надо было, коржики таяли во рту. Он съел целых три и, сказав «Спаси Христос» бабаке, пошёл в переднюю, где стал играть со своей единственной игрушкой — небольшим облупленным самосвалом, которым играл ещё Андрианка.

На улице по-прежнему свирепствовал буран, а в доме было тепло от большой печи, пахло борщом и печёным хлебом. Вскоре Гришутке надоело играть. Он выглянул в окошко, чтобы узнать, утихла ли снежная буря. Ему показалось, что утихла.

— Бабака, а теперь можно покликать жаворонков? — спросил он.

Бабушка только что легла на свою кровать отдохнуть. Она не ответила, Гришутка понял, что заснула. Андриан читал книгу и не обратил на него внимания.

Гришутка надел пальто, шапку, взял жаворонка со стола и тихонько вышел в сени. Там было темно; он, на ощупь найдя дверь, откинул щеколду и попытался открыть её. С первой попытки ему это не удалось, тогда он сильнее нажал и дверь поддалась, чуточку открылась. Ворвавшийся ветер яростно швырнул снег в лицо Гришутки, обжёг его холодом. Гришутка испугался и закрыл дверь.

«А ить, ежели сейчас не покликать жавороночек, то весна и не придёт!» — подумал он и, открыв дверь опять, высунув жаворонка наружу, он закричал сквозь ветер нехитрую песенку, которой его научила бабушка несколько лет назад и которую он каждый раз пел, когда наступали Жаворонки¹¹:

— Жавороночки, прилетите к нам... — ветер с силой захлопнул дверь, отшвырнув его вглубь сени.

Гришутка разозлился. Быстро поднявшись, он снова приоткрыл дверь и пропел:

— Красно летушко принесите нам... — И опять ветер швырнул колючий снег в его лицо и попытался захлопнуть дверь. Но на этот раз Гришутка не поддался, удержал и дверь, и себя. Переселивая ветер, он продолжал петь, держа жавороночка на вытянутой руке:

А холодно зиму унесите от нас,
А холодна зима надоела нам,
Всё сенцо-то переела!

Гришутка закончил свою песенку и закрыл дверь. Он был доволен: жаворонки услышали его, они скоро прилетят и принесут весну, потом зацветут тюльпаны, появится таблак¹², полянки, и все пацаны будут играть с утра до ночи на улице и купаться в Деркуле. А там и сентябрь наступит, и он пойдёт в школу, где Валентина Гавриловна даст ему вкусную конфетку.

Ночью у Гришутки поднялась температура. Он проболел ровно три дня. А когда выздоровел и вышел на улицу, то увидел соседского парнишку его лет — Шурку, который мерил лужу в сапогах и улыбался весеннему солнышку.

Гришутка никому не сказал, что это он покликнул жаворонков, и они принесли весну.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Горка — шкаф, где обычно казаки выставляли иконы
2. Бирюк — волк
3. Одиннадцать палочек, кандалы, знамя — детские игры
4. Кизяки — прессованный с соломой навоз, употребляемый как топливо
5. Музланы — мужики, не казаки
6. Спи, пока Москва не знает — так старики говорили детям, которые не хотели спать
7. Бабака — обращение к бабушке у уральских казаков
8. Запон — фартук
9. Булгачить — тревожить
10. Поперешный — противный
11. Жаворонки — старинный праздник, отмечаемый 22 марта — в день весеннего равноденствия.
12. Таблак — дикий степной лук.